

Н. Г. Пашкин
ЕКАТЕРИНБУРГ

КОНГРЕСС В МАНТУЕ И АНТИТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ПАПЫ ПИЯ II

Борьба христианского Запада с Османской империей, получившая мощный импульс после падения в 1453 г. Константинополя, нашла свое отражение в жизни и творческом наследии римского папы Пия II (1458–1464), ставшего известным задолго до понтификата благодаря своей литературной, церковной и политической деятельности под именем Энея Сильвия Пикколомини. Биография этого человека стала редким примером соединения изысканного писательского мастерства и бурной общественной практики, направленной на решение актуальнейшей для того времени проблемы отношений христианства и ислама. Ярким доказательством того и другого стало последнее сочинение гуманиста-папы «Записки о достопамятных деяниях», написанное в жанре автобиографического повествования на классическом латинском языке и посвященное непосредственно периоду понтификата¹. Ведущей нитью в нем стала история бесконечных попыток, предпринятых папой за довольно короткий период с целью поднять европейские нации на крестовый поход. Первой из них стал созыв собрания, известного как конгресс в Мантуе 1459–1460 гг.

На самом деле задача объединения государств Запада для борьбы с турками через организацию общехристианского политического форума стала центральной в жизни Энея Сильвия задолго до его понтификата. Первоначальным воплощением этой идеи стали «антитурецкие» рейхстаги в Германии, состоявшиеся один за другим в Регенсбурге, Франкфурте и Винер-Нойштадте в 1454–1455 гг., когда будущий папа трудился в качестве личного секретаря императора Фридриха III

¹ Pius II. *Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt* / ed. A. van Heck. Città del Vaticano, 1984. Vol. 1–2 (далее – Comm.).

Габсбурга (1439–1493). Однако работа этих съездов прошла почти впустую: участие в них крупных политических фигур оказалось минимальным, а провозглашенные планы крестового похода остались простой декларацией². Эней напрасно зывал тогда к имперскому достоинству немецкой нации в духе средневековой концепции «*translatio imperii*», из которой следовало, что император выступает как общехристианский политический лидер – *defensor religionis Christianae*. Реальная политика императора продемонстрировала очевидное пренебрежение этой миссией. В результате первые два упомянутые собрания прошли в его отсутствие, и сам факт их проведения стал исключительной заслугой самого Энея. Очевидно, полученный таким образом опыт заставил его искать другой путь к поставленной цели: светский по характеру европейский форум должен был создать и возглавить уже не император, а папа. К тому же папство, в отличие от Империи, по крайней мере внешне, гораздо энергичнее отстаивало необходимость активных и экстренных мер в турецком вопросе³.

Очень скоро, взойдя на Апостольский престол, Эней смог реализовать свой проект. Сразу после избрания под именем Пия II, состоявшегося в августе 1458 г., он поставил крестовый поход на первое место в своей программе и в октябре издал буллу, которой призывал европейских государей через год собраться в итальянском городе Мантуе⁴. Официально открытие съезда было запланировано на 1 июня 1459 г., но единственным, кто прибыл к указанной дате, оказался сам папа. В дальнейшем собрание по сути представляло собой череду сменявших друг друга посольств. Первыми лишь осенью начали собираться итальянцы. В сентябре в Мантую лично приехал Миланский герцог Франческо Сфорца (1447–1466), а также послы из Венеции, Флоренции, Пизы, Сиены, Феррары, Неаполя. Тогда и состоялось официальное открытие конгресса, после которого вся практическая работа сводилась уже к переговорам папы с национальными делегациями по мере их появления. При этом основная тема переговоров нередко отступала, и конгресс ско-

² См.: Пашкин Н. Г. «Антитурецкие» рейхстаги в Германии как реакция Запада на падение Константинополя // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 363–375.

³ См.: *Schwoebel R.* The shadow of the crescent: the Renaissance image of the Turk, 1453–1517. New York, 1967. P. 31–56; *Setton K. M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia, 1978. Vol. 2.: The Fifteenth Century. P. 138–195; *Brandmüller W.* Die Reaktion Nikolaus' V auf den Fall von Konstantinopel // *Römische Quartalschrift*. 1995. Bd. 90. S. 1–22.

⁴ *Schwoebel R.* The shadow of the crescent... P. 57–58.

рее напоминал не кропотливую работу по подготовке крестового похода, а площадку для выяснения многочисленных противоречий, взаимных претензий и подозрений, царивших среди христианских государств.

Раньше всего состоялась итальянская секция конгресса. На ней герцог Миланский предложил собрать средства, на которые затем следовало сформировать войска в сопредельных с турецкими владениями христианских странах. Среди таких стран подразумевалась в первую очередь Венгрия. Герцог советовал также не посылать в Венгрию войска тех христиан, которые могли бы развязать войну с ней самой⁵. Намек был явно направлен против императора Фридриха III, который враждовал с венгерским королем Матьяшем Корвином (1440–1490). Император в свою очередь благосклонно относился к притязаниям Анжуйской династии на Неаполь, которые вынуждали неаполитанского короля Фердинанда I (1458–1494) вместе с Миланом совместно выступать против угрозы французского вмешательства в итальянскую политику. Зато Францию поддерживала Венеция, и потому предложение отказаться от непосредственного участия в военной кампании диктовалось еще опасением герцога Франческо Сфорца, что основные результаты кампании в случае успеха достанутся этой морской республике. Неудивительно, что его выступление поддержал посол из Неаполя, а высказались против него представители Венеции. Последние, впрочем, не имели даже статуса официальных послов. Республика св. Марка перед этим заключила мир с турками и не спешила присоединяться к конгрессу. Таков был сложный узел противоречий, среди которых папе приходилось лавировать, чтобы добиться какого-нибудь результата.

Мнение герцога Миланского не было поддержано Пием II. По его предложению был принят проект введения чрезвычайного налога на войну с турками. Размер был установлен в одну десятую часть с доходов для духовенства, одну двадцатую для иудеев и одну тридцатую для мирян. Под этим подписались все, кроме венецианцев, которые вскоре выставили предварительные условия. Республика соглашалась поддержать линию папы, требуя взамен передачи ей командования всеми морскими силами будущей коалиции с правом собственности на военные трофеи. Условия предусматривали также выделение средств на содержание не менее 80 боевых судов с командой из восьми тысяч человек и выдвижение на венгерско-турецкую границу сухопутной армии численностью не менее 70 тыс. человек. Пий II объявил выставленные требования чрез-

⁵ *Pastor L. von. Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance von der Thronbesteigung Pius' II. bis zum Tode Sixtus IV.* Freiburg, 1925. S. 66–67.

мерными и обрушился на венецианцев с критикой, обвинив их в предательстве веры. Резкую характеристику венецианской политики на конгрессе он запечатлел в мемуарах: «Их речи далеки от образа их мыслей: на словах они были за войну с турками, а в душе отвергали ее. Они не принадлежат к тем народам, которые стремятся к подвигам; более всего они торговцы, природа которых, движимая наживой, сторонится добрых дел, требующих издержек. Венецианцы обдумывали, чтобы в случае начала войны с турками вся восточная торговля, от которой они живут, была бы уступлена им, чтобы при освобождении Греции не вступали туда государи Запада, и чтобы народ венетов завладел Далмацией и Восточной империей. Они опасались также и того, как бы герцог Миланский не напал на них, если сами будут заняты войной с турками, ибо один человек в другом подозревает то, что чувствует в себе. Вот и поручили они своим послам, чтобы те вели переговоры, давали бы надежду на благополучный исход, но ничего бы твердо и ясно не обещали»⁶.

Ничего не дали переговоры с французами. Посольство французского короля Карла VII (1422–1461) появилось в Мантуе 14 ноября. Как оказалось, его интересовал вовсе не вопрос о турках. На приеме французской делегации речь пошла о неаполитанской проблеме. Королевский посол призвал папу пересмотреть свою итальянскую политику и передать неаполитанскую корону, считавшуюся его ленным владением, Анжуйскому дому, который с 1442 г. оспаривал ее у Арагонской династии. Разногласия на этой почве завели переговоры в тупик⁷. Французы уклонились от конкретных предложений, сославшись еще на противоречия с англичанами. На вопрос о том, что может дать их король для войны с турками, посол ответил, что нужен мир в родном доме, прежде чем воевать на чужбине⁸. Наконец в декабре прошла встреча с немецкой

⁶ Comm. III, 35: ...quorum verba longe ab animo dissentiebant bellum in Turchos ore laudabant, corde damnabant. Non sunt populi qui res magnificas amplectantur; mercatores plerumque, quorum natura lucris intenta res claras, que sine impensa fieri non possunt, mente abhorret. Existimabant Veneti inito cum Turchis bello futurum ut omnis negotiatio, ex qua vicitant, in Oriente cessaret, nec passuros Occidentis principes vindicata Graecia ut plebs Veneta Dalmaticum et Orientale Imperium obtineret. Verebantur quoque ne occupatis Turchorum bello Mediolanensis inferret arma, ut semper de alio suspicantur homines quod in se sentiunt. Mandaverunt igitur oratoribus ut rem verbis traherent, spem bonam facerent, solidi certique nihil promitterent.

⁷ См.: Comm. III, 37–38.

⁸ См.: Ibid. III, 40.

миссией. Представители императора Фридриха III не нашли ничего лучше, как подтвердить решения Франкфуртского рейхстага 1455 г., где еще папе Николаю V (1447–1455) было обещано от немецких земель войско в сорок две тысячи человек. Причем окончательное решение о выделении этих сил вновь переносилось на обсуждение рейхстага, который немцы обещали созвать в будущем году⁹. Конгресс завершился в январе 1460 г. двумя папскими буллами. Первая из них объявляла о трехлетней войне с турками и о подготовке крестового похода. Не изменяя традиции, папа вновь объявлял предводителем христианского ополчения императора. В качестве первоочередной меры для покрытия расходов на войну предусматривалось введение экстраординарных сборов по вышеупомянутой схеме. Словно предвидя вероятные протесты против последнего пункта, папа выпустил вторую буллу. Получившая название «*Execrabilis*», она воспрещала любые апелляции на решения папы в адрес Вселенского собора¹⁰. Предусмотрительность была не лишней, так как в Германии еще сохраняли влияние решения Базельского собора (1431–1449), ограничивавшие права папы в финансовых делах. Еще хуже для него ситуация в этом вопросе была во Франции, где такого рода ограничения были формально закреплены Буржской Прагматической санкцией 1438 г. На переговорах с французами Пий II подверг ее критике, но уступок так и не добился¹¹.

Перед тем как покинуть Мантую, папа назначил своим легатом в Германию грека-эмигранта кардинала Виссариона Никейского. Ему поручалось от имени курии взять под контроль поступление церковной

⁹ См.: *Pastor L. von. Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance...* S. 76; *Setton K. M. The Papacy and the Levant.* P. 213.

¹⁰ См.: *Setton K. M. The Papacy and the Levant.* P. 213.

¹¹ Принятые папой меры, очевидно, не дали ожидаемого эффекта. Через три года он жаловался кардиналам, что десятины с клира на войну не собирались, и это прикрывалось апелляцией к будущему собору. См.: *Comm. XII, 31: misimus in provincias legatos: spreti atque irrisi fuere. Imposuimus clero decimas: apellatum est pernitioso exemplo ad futurum concilium.* Налоги не собирались даже в Италии, и, возможно, поэтому на встрече с итальянскими делегациями в 1463 г. папа согласился с тем, чтобы более не вторгаться в фискальную политику светских правителей и предоставить им право самим взимать наложенные церковью поборы. Помощь армией и флотом, по его словам, была желательнее денег. См.: *Comm. XII, 29: exigant ipsi a suis subditis argentum atque in milites et naves erogent, quibus in bello possimus uti. <...> Libentius haec auxilia quam pecuniaria ab eis accipiemus.*

десятины на войну с турками, а также выполнение князьями и императором плана комплектования войска. С миссией кардинала Пий II связывал и надежду на достижение мира между императором Фридрихом III и королем Венгрии Матьяшем Корвином, в отсутствие которого все предпринимаемые им усилия грозили обернуться фарсом. Виссарион сначала провел переговоры с князьями в Нюрнберге и Вормсе, которые должны были стать основой для имперского съезда в Вене. С большим опозданием этот съезд удалось открыть в сентябре 1460 г. На нем император подтвердил верность обещаниям, данным в Мантуе, но дальше формальных деклараций дело не пошло. У многих делегаций не было никаких инструкций от своих князей, чтобы принимать практические решения. В результате участники настаивали на проведении более широкого совещания и поставили вопрос о проведении повторного собрания¹². Фактически один к одному повторялся сценарий «антитурецких» рейхстагов 1454–1455 гг., ответом на которые собственно и был конгресс в Мантуе. Главный вывод, который мог из этого извлечь Пий II, заключался теперь в том, чтобы более не ставить реализацию своей антитурецкой программы в зависимость от Империи. Если, созывая конгресс в Мантуе, папа вместо императора брал на себя роль организатора крестового похода, то после конгресса и уже окончательно после Венского рейхстага 1460 г. он решится принять на себя и роль его непосредственного предводителя. Через три года, ведя мемуары буквально по следам идущих событий, он запишет: «Есть решение идти войной на турок и как словом, так и делом убедить христианских государей следовать за нами. Возможно, когда они увидят, как их отец и наставник, римский понтифик, наместник Христа, будучи старым и больным, идет на войну, то устыдятся оставаться дома; тогда они возьмутся за оружие и, став сильными духом, встанут на защиту святой веры. Если и этот путь не заставит христиан подняться на борьбу, то никакого другого мы уже не знаем»¹³.

До начала понтификата Эней придерживался традиционного взгляда на императорскую власть, которая в его глазах наряду с папской об-

¹² См.: *Setton K. M. The Papacy and the Levant. P. 216–218.*

¹³ *Comm. XII, 31: Stat sententia in bellum contra Turcos pergere christianosque principes, ut nos sequantur, facto simul et verbis invitare. Fortasse cum viderint magistrum et patrem suum, romanum pontificem, Iesu Christi vicarium, senem et aegrotum, in bella vadentem, pudebit eos manere domi; arma capient defensionemque sacre religionis fortibus animis amplectentur. Haec nisi via christianos in bellum excitat, nescimus aliam.*

ладада универсалистской природой¹⁴. В его первых после падения Константинополя выступлениях, сделанных с трибуны именно рейхстагов, особо подчеркивалось имперское достоинство немцев как народа, на который ложилась главная миссия в деле защиты всей христианской Европы от нашествия турок¹⁵. С такой точки зрения, провозглашение о намерении лично возглавить крестовый поход после событий 1459–1460 гг. означало еще и то, что главной его силой теперь не могли рассматриваться немцы. У папы как политика реальные шансы собрать войско имелись только в Италии. В этом свете нельзя не обратиться вновь к одному из самых интересных сочинений Пия II. Речь идет о памятнике, выполненном в форме письма турецкому султану, завоевателю Константинополя Мехмеду II (1451–1481)¹⁶. Текст был создан после 1460 г., и его центральной идеей была попытка убедить правителя исламского Востока принять христианскую веру. Со стороны автора, убежденного противника турок, поступок выглядит неожиданным. Впрочем, нет и доказательств того, что данный текст на самом деле предназначался адресату. Если исходить из тех мотивов, которыми начал руководствоваться Пий II после конгресса в Мантуе и провалившейся миссии Виссариона в Германии, то смысл его так называемого «Письма к Магомету» видится совсем другим. По крайней мере, к такому выводу позволяет прийти анализ первой, «политической» части послания. Текст ее представляет собой своеобразный срез Европы как сообщества различных государств и народов, которые по установившейся на церковных соборах традиции сгруппированы в четыре нации – немецкую, французскую, испанскую и итальянскую. С одной стороны, автор использовал этот прием, чтобы в очередной раз подчеркнуть необходимость консолидации Запада. В письме этот призыв облечен в форму предупреждения правителю турок: «Не верь, что разъединение христиан пойдет на пользу твоим желаниям, не полагайся на это: все христиане объединятся, едва услышат,

¹⁴ *Toews J. B.* The View of Empire in Aeneas Sylvius Piccolomini (Pope Pius II) // *Traditio. Studies in ancient and medieval History, Thought and Religion.* 1968. Vol. 24. P. 471–487.

¹⁵ *Enea Silvio Piccolomini. Oratio de Constantinopolitana clade et bello contra Turcos // Aeneae Sylvii Piccolominei Senensis... opera quae extant omnia.* [Repr.]. Frankfurt am Main, 1967. S. 678–689.

¹⁶ *Pius II. Papa. Epistola ad Mahumetem. Einleitung, kritische Edition, Übersetzung / hrsg. von R. F. Glei und M. Köhler. Trier, 2000 (далее – Epistola ad Mahumetem).*

что ты угрожаешь поразить самое сердце христианского мира»¹⁷. Однако тут же мы находим утверждение, что хватит и четверти христиан, чтобы дать отпор туркам. Этим мощным оплотом оказывается Италия, которая вместе с Римом и есть центр христианства. «Из четырех наций, – грозит автор письма султану, – будет более чем достаточно одной, чтобы разбить твои армии. Мы полагаем, при дворе у тебя найдется немало людей, которые видели Италию, знают ее силы и дух. Именно таких людей послушай и спроси, по силам ли тебе Италия, можно ли ее победить твоим оружием и подчинить твоей власти. Для римлян труднее было завоевать Италию, чем остальную часть мира»¹⁸. За этим следует красноречивое описание военной и духовной мощи итальянских городов и государств. Многозначительным выглядит и утверждение о том, что «в сознании итальянцев никогда не охладевала тоска по Римской империи»¹⁹. Оно явно отражало стремление Пия II затушевать имперское достоинство немцев и представить итальянцев как замену им в качестве главной опоры христианства. Именно их папа, заменяя не проявившего волю императора, теперь надеялся увлечь за собой в крестовый поход и выполнить миссию, с которой не справились немцы. Не случайно, обещая турецкому правителю в случае принятия им христианства провозгласить его императором Востока, он ничего не говорит о том, кто на Западе будет подобно ему носить такой же титул.

Намерения папы самому повести войско крестоносцев укрепились под влиянием перемен, которые вскоре произошли во внешнеполитическом курсе Венеции. В июле 1463 г. эта морская республика, столкнувшись с угрозой полной утраты своих опорных баз на Пелопоннесе, вступила в войну с Османской державой. Силы ее возросли благодаря союзу с королем Венгрии Матьяшем Корвином, в результате чего пер-

¹⁷ Epistola ad Mahumetem. 5, 4: Nec Christiana discidia desiderio tuo conducere putes aut in his confidas: unientur Christiani omnes, si quando audient interiora Christianitatis accedere.

¹⁸ Epistola ad Mahumetem. 5, 5: Sed una ex quattuor nationibus satis fuerit superque satis tuas copias profligare. Atque, ut de aliis taceamus, complures esse in tuo palatio arbitramur, qui terram Italiam lustraverunt et vires et ingenia noscunt. Ipsos audi atque interroga, an aequari tuis viribus Italia possit, an vinci tuis armis, an tuo imperio subici. Plus negotii Romanis fuit Italiam acquirere quam orbi reliquo frena imponere.

¹⁹ Epistola ad Mahumetem. 3, 3: Nondum amor imperii Romani in mentibus Italis refriguerat...

вые операции против турок давали надежду на успех²⁰. Это позволило папе полностью пересмотреть свое прежнее отношение к венецианцам, тем более что без участия венецианского флота его идея крестового похода была обречена на провал. Однако попытка собрать им в помощь войско из других итальянских государств обернулась крайне неприятной для него реакцией с их стороны. Картина теперь выглядела полностью противоположной той, которая была во времена конгресса: если там папа давал венецианцам самую нелестную характеристику, то теперь ему приходилось отчаянно защищать их имидж. В 1463 г. на переговорах с итальянскими посольствами о планах войны с турками представитель Флоренции обратился к нему с такими словами: «Что ты делаешь, понтифик? Неужели ты хочешь вести войну с турками так, что загонишь Италию под венецианское ярмо? Все что ни будет после изгнания турок добыто в Греции, достанется венецианцам, которые после покорения Греции замахнутся на остальную Италию. Ты знаешь гордыню этого народа и его ненасытную жажду власти: они говорят о себе, что идут по следам римлян и что полагается им власть над миром. В этом ты помогаешь им, создавая военный союз против турок, и не видишь, что тем самым увлекаешь Италию в пропасть. Вечное рабство сплетаеть ты своему отечеству. Умолчим о вреде для Италии? Чем будет римская церковь под властью венетов? Полагаешь ли ты, что честь твоя не будет служить венецианскому дуче. Венецианцы не из тех, кто дела господни ставят выше дел людских; мирская власть для них важнее воли церкви. <...> Благодарю твоем будет встать на пути этой напасти, которая не меньше той, которой грозят нам турки. <...> И что может быть лучше для нас, если не борьба турок с венецианцами до взаимного их истощения, благодаря чему они оставили бы нас в покое?»²¹.

²⁰ См.: *Matschke K.-P.* Das Kreuz und der Halbmond: Die Geschichte der Türkenkriege. Düsseldorf, 2006. S. 210.

²¹ Comm. XII, 30: «Quid agis», inquit, «maxime praesul? Adversus Turcos bellum geres ut Italiam Venetis servire cogas? Quecunque in Grecia exactis Turcis acquirentur Venetorum erunt, qui subacta Grecia ad reliquam Italiam manus apponent. Nosti superbiam gentis et insatiabilem dominandi cupiditatem: succedere Romanis se iactitant et imperium orbis sibi debere. <...> Huc eos adiuvas contra Turcos socia iungens arma nec vides quo precipitem trahis Italiam. Servitutem perpetuam innectis patrie tue. Taceamus Italie damna. Quid erit ecclesia Romana sub imperio Veneto. Putas ne suam dignitatem servabit et non potius duci Venetiarum ancillabitur? Non sunt Veneti, qui res divinas humanis preferant: potentiam secularem ecclesiastice anteponunt. <...> Tue prudentie fuerit his periculis obviam ire

Так рушился миф об общеиталийской солидарности, который папа пытался воздвигнуть на месте рухнувшего ранее мифа о солидарности общехристианской. Напрасно он доказывал, что венецианцы одумались после конгресса в Мантуе, а их самих не следует уподоблять римлянам²². Ничего не помогло. В результате вместо сильной коалиции государств понтифику удалось увлечь идеей крестового похода в основном лишь случайных волонтеров, которые по его призыву летом 1464 г. собрались в Анконе в ожидании венецианского флота²³. Он сам прибыл туда в августе, находясь уже в предсмертном состоянии, и через несколько дней скончался. Поступок папы, вопреки его последним надеждам, не вдохновил правителей Запада. Поход не состоялся, а крестonosная идея была окончательно дискредитирована.

N. G. PASHKIN
EKATERINBURG

CONGRESS OF MANTUA
AND ANTITURKISH POLICY OF POPE PIUS II

The article studies the activities of Pope Pius II (1458–1460) on the organization of the West struggle against the Turkish threat. The first serious step in this regard was the political congress in Mantua (1459–1460) under his leadership. Contradictions among European states prevented them to use their joint potential. It was followed by the definitive discredit on the Emperor of the Holy Roman Empire in the eyes of the Pope and the attempt to undertake the role of the Crusade leader. The idea also sputtered out after the unsuccessful attempt to make the coalition of Italian states.

non minoribus illis, que timemus a Turcis. <...> Et quid nobis optabilius est quam Turco simul et Veneto ita vires attritum iri, ut nos tandem frui quiete permittant?»

²² Comm. XII, 30: Nunc mutata est sententia Venetorum... Longe distant a Romanis Venetorum mores.

²³ См.: *Matschke K.-P.* Das Kreuz und der Halbmond. S. 197.